

Далекий горизонт после дождя озарен сиянием заката, и последние лучи, пропитанные влагой, ложатся на гладь озера, окрашивая её в нежно-золотой цвет.

— Можешь рассказать, кем ты работала раньше?

Этот вопрос эхом отдавался в ушах, пока не всколыхнул воспоминания, которые она прятала в самых дальних уголках души. Сан У задумчиво размышляла: какая у неё была профессия? Или, вернее сказать, чем она собиралась заниматься в то время?

Она выросла в трущобах Западного города, где жизнь была далека от простых описаний вроде грязи и беспорядка — каждый её день был пропитан зловонием и грубой бранью. Поэтому с ранних лет она отчаянно училась, надеясь, что образование станет её билетом в другую жизнь. Она не хотела рано выходить замуж, чтобы остаться там навсегда и влачить жалкое, беспросветное существование. Её баллы на выпускных экзаменах были достаточно высоки, чтобы поступить в хороший университет, но родители наотрез отказались оплачивать её дальнейшее обучение. Они считали, что для девушки, да еще и омеги, это пустая трата денег.

Она просматривала списки вузов и мечтала о будущем, когда семья холодно заявила ей, что отныне её место — в маленьком отеле на юго-восточной окраине. Она не могла подобрать слов, чтобы описать то состояние: равнодушные взгляды родителей и их брошенная вскользь фраза стали той самой последней каплей, что сломила её.

Но она не стала рыдать или впадать в истерику, а всеми силами попыталась связаться со своим учителем. Она слышала, что в Северном городе есть педагогический университет, где обучение и проживание бесплатны, а студентам даже выплачивают пособие на питание. Это был единственный спасительный шанс, и она готова была ухватиться за него, лишь бы больше не просить у родителей ни единого гроша.

Она согласилась. Учитель оказался человеком ответственным: узнав о её ситуации, он тут же примчался к ним домой, чтобы договориться с родителями.

— Сан У? — заметив, что та надолго погрузилась в свои мысли, не выдержала Сун Жань. — Если не хочешь рассказывать, не нужно. Всё в порядке.

Подавив усмешку, Сан У намеренно спросила:

— А, правда?

В тот вечер она долго рассматривала визитную карточку, освещенную лунным светом. Четыре года учебы дались нелегко, но она справилась. Перед самым выпуском её случайно заметили сотрудники съемочной группы, которые искали локации в университете, — как раз в тот момент они набирали массовку.

Это был первый раз за четыре года, когда она вспомнила о мечте, зародившейся еще во время

подачи документов в вуз. Но прежде чем она успела что-либо предпринять, её забрала семья Сан, и вскоре она вышла замуж за эту альфу.

Условие было простым: они не дадут ей ни копейки, а она обязана каждый месяц присылать им по две тысячи.

Предложение съемочной группы было выгодным — двести юаней за смену. Ей как раз не хватало денег, чтобы собрать нужную сумму для дома, и она согласилась.

Сан У мысленно хмыкнула, сравнивая эту красивую кошечку перед собой с шиншиллой. Она позволила тишине затянуться. Мягкие черные волосы прикрывали половину лица, она опустила взгляд, в глубине которого промелькнуло раздражение.

Сан У замолчала. В итоге её родители дали согласие.

Воспоминания отступили. Сан У слегка вздрогнула и принялась жевать кусочки картофеля. С того места, где сидела Сун Жань, была видна лишь её фарфорово-белая щека, раздувшаяся от еды, да густые, загнутые вверх ресницы, похожие на крылья ворона.

Хотя это была всего лишь массовка, после трех смен режиссер протянул ей визитку и спросил, не хочет ли она попробовать себя в кино — он разглядел в ней талант.

А шиншиллы правда такие милые? Почему она помнит, что та, которую держал её ассистент, была совсем не такой симпатичной, как эта?

— Сун Жань, — когда та уже решила, что ответа не дождется, Сан У подняла глаза и холодно взглянула на неё, — нет.

Её будто подменили. Она ведь совершенно не хотела отвечать Сун Жань. Но та всё же уловила её взгляд — она была уверена в этом.

Кошечка, словно испугавшись, что её не поймут, тихо добавила:

— До брака с тобой я нигде не работала.

Сказав это, она снова приняла свой привычный высокомерный вид, и секундное колебание в её глазах исчезло.

Кажется, она была чересчур очаровательной.

Заметив, как Сун Жань с помощью общих палочек положила ей в миску два кусочка свинины в кисло-сладком соусе, Сан У подняла взгляд и встретила с серьезным выражением лица

собеседницы:

— Отсутствие работы — это не повод для стыда. Почему ты опустила голову? Сан У, ты еще так молода, и я поддержу любое твоё начинание.

Стыд?

Раздражение в её глазах вспыхнуло ярким пламенем, блеск которого был даже сильнее, чем отблески заката за окном. Белоснежные мочки ушей порозовели, она вскинула голову и холодно ответила:

— Я не чувствую стыда.

— Ну, тогда стыдиться должна я, — легко согласилась Сун Жань. — Посмотри сама: последние двадцать пять лет я только и делала, что бездельничала. В университете училась заграничном, третьесортном, куда поступила только благодаря деньгам. Ты наверняка куда способнее меня.

— К чему ты клонишь? — спросила Сан У.

Кошечка уже ослабила бдительность — и всё благодаря ей. Поняв это, Сун Жань ощутила прилив удовольствия. Она не могла точно описать свое состояние, но если бы пришлось, то сказала бы, что ей ужасно хочется взять дразнилку для котов и поиграть с Сан У, чтобы посмотреть на её реакцию.

Что бы она сделала? Поддалась бы инстинктам и потянулась к ней или, рассердившись, укусила? Что бы она ни выбрала, это было бы невероятно мило.

Сун Жань тихо рассмеялась. На ней был пижамный костюм цвета «синий Кляйн», верхние пуговицы были расстегнуты, открывая изящные ключицы.

Сан У с трудом сохранила невозмутимость и отвела взгляд. Она уже хотела попросить Сун Жань застегнуть рубашку, но проглотила слова. Какое ей до этого дело? Может, Сун Жань и на людях любит так ходить. Она невольно сжала пальцы, в который раз напоминая себе: не переходи черту, Сан У, не лезь не в свое дело.

— Сан У, — перестав смеяться, Сун Жань подперла лицо рукой, и несколько прядей волос небрежно упали на лоб. Она одарила её лучезарной улыбкой. — Я ни к чему не клоню. Просто хотела сказать, что в моих глазах ты особенная. Тебе не нужно чувствовать себя хуже других или опускать руки.

В горле будто застрял комок, Сан У не могла вымолвить ни слова. За прошедшие двадцать два года она не раз мечтала, что когда-нибудь встретит человека, который поймет её и утешит. В те моменты, когда она сталкивалась с жестокостью и была на грани срыва. В те бесконечные ночи, когда она не могла уснуть до половины пятого утра и чувствовала, что силы на исходе.

Она всегда молила, чтобы рядом появился хоть кто-то, кто сказал бы ей, что она справится, что нельзя сдаваться.

Но таких людей не было. Как бы она ни старалась, она никогда не дожидалась заботы от родителей. Никто не пытался её поддержать.

А теперь эта женщина, которая когда-то причиняла ей боль и находила удовольствие в её мучениях, искренне говорит: Тебе не нужно чувствовать себя хуже других или опускать руки.

В её глазах, похожих на прозрачные воды, словно собрался туман, а нахмуренные брови вдруг расправились. Прошло немало времени, прежде чем она едва слышно ответила:

— Угу.

На этот раз Сун Жань не сдержала желания погладить кошечку по голове. Она нежно ерошила её волосы, приговаривая с невероятной теплотой:

— Наша маленькая Сан У — самая лучшая.

Даже выросшая в грязи, она сумела сохранить чистоту. И к тому же, эта хрупкая и чувствительная девушка в будущем отправила подлую альфу в тюрьму — сколько же для этого нужно мужества! По правде говоря, эта кошечка по имени Сан У была просто потрясающей.

Когда атмосфера стала особенно тягучей, Сан У вдруг резко отвернулась. Её уши за волосами покраснели, она молча сопротивлялась близости Сун Жань.

Та не рассердилась, решив, что, пожалуй, слишком торопит события. Она сама налила своей «кошечке» суп из карася с водорослями и мягко произнесла:

— Пей суп, я специально его готовила.

Молочно-белый суп был ароматным и очень питательным, украшенный мелко нарезанным зеленым луком. Сан У долго смотрела на него, но в итоге послушно выпила всю порцию, которую налила Сун Жань.

За ужином Сун Жань почти ничего не съела, всё её внимание было приковано к Сан У. Наблюдая, как та насытилась, она собрала посуду и убрала со стола.

Последние отблески заката погасли, небо стало таким мрачным, будто вот-вот должен был хлынуть ливень. Сун Жань взглянула на бинты на руках Сан У и приподняла бровь:

— Будешь сегодня принимать душ?

Сан У замерла, ничего не ответив.

— Я без задней мысли, просто у тебя рана, может быть неудобно, — деликатно добавила Сун Жань. — Бинты пока снимать нельзя.

Жар снова прилил к ушам. Сан У подумала: неужели Сун Жань всегда была такой болтливой?

Видя, что та молчит, Сун Жань не удержалась от желания поддразнить её:

— Если совсем немоготу, есть и другие способы.

Сан У обернулась: взгляд её ясных глаз был пронзительным, а алые губы плотно сжаты.

— Сан У, мы в законном браке, — Сун Жань улыбнулась, и её губы изогнулись в идеальной дуге. За окном сгущались тучи, аромат вечерней туберозы расцвел в её сердце, голос звучал едва слышно: — Я не люблю оставаться в долгу. Когда ты принимала ванну, ты помогла мне достать кое-что. В знак взаимности, может быть...

Дверной звонок внезапно прервал их, и интимная атмосфера в комнате мгновенно рассеялась. Сан У, словно убегая от зверя, тут же отсела на край дивана.

Сун Жань вздохнула, застегнула воротник пижамы и поднялась, чтобы открыть дверь. Как только дверь виллы распахнулась, в дом ворвался влажный воздух, и Сун Жань увидела гостью.

Чэн Юйтин, с безупречным макияжем и в белоснежном пышном платье, икнула, явно выпив, и потянулась к Сун Жань:

— А-Жань...

Сун Жань отступила назад, избегая объятий. Чэн Юйтин, пошатываясь, ввалилась в дом, причитая:

— А-Жань, как скучно было сегодня без тебя. Ты знаешь, они играли в «правду или действие» и обижали меня.

— Чэн Юйтин, ты пьяна, — спокойно произнесла Сун Жань.

Пьяные никогда не признают, что они пьяны. Это утверждение было справедливо и для Чэн Юйтин. На её глазах выступили слезы, она жалобно пробормотала:

— Я не пьяна, А-Жань, ты раньше была не такой.

Сердце Сун Жань дрогнуло, она невольно посмотрела на реакцию Сан У. Омега на диване смотрела на них безучастно, в её глазах, подернутых дымкой, читалось полное спокойствие.

Чэн Юйтин заметила её взгляд и, повернувшись, увидела Сан У. Её лицо изменилось:

— А-Жань, почему она здесь? Почему ты позволила ей сидеть на диване? Она такая грязная.

Сан У не шелохнулась, словно не слышала. Но Чэн Юйтин подошла к ней и попыталась вытолкать:

— Знаешь что? Каждый раз, когда я вижу тебя, мне кажется, что воздух вокруг воняет. От всех обитателей трущоб исходит этот запах, но ты воняешь сильнее всех.

Оскорбления сыпались одно за другим. Сун Жань, нахмурившись, не выдержала и поспешила к ним, чтобы встать между ними и защитить Сан У. Но та оказалась быстрее: она резко поднялась и, пройдя мимо них, направилась к лестнице. Проходя мимо подставки, она случайно задела её, и ваза, пошатнувшись, с грохотом разбилась о пол.

В огромной гостиной этот короткий и резкий звук больно ударил по нервам Чэн Юйтин. Осколки сине-голубой вазы разлетелись в разные стороны. Присмотревшись, Чэн Юйтин окончательно протрезвела. Это был тот самый подарок, который она с таким трудом выбирала для Сун Жань на прошлый день рождения.

Ярость вспыхнула в ней, и, не раздумывая, она оттолкнула Сун Жань и бросилась к Сан У. Она была на полголовы выше. Глядя на это изящное, прекрасное лицо, она не скрыла своего отвращения, замахнулась и со всей силы ударила Сан У по лицу.

<http://bllate.org/book/21714/2243725>